

В.М. КАЛИНКИН
(Донецк)

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ ПОЭТОНИМОВ**

УДК 413.13:8-1(09)

Калинкин В.М. Несколько замечаний об особенностях семантики поэтонимов; 6 стр.; количество библиографических источников – 6; язык русский.

Аннотация. Рассмотрены некоторые специфические особенности семантики поэтонимов, которые формируются в процессе функционирования имени в художественной речи. Обозначены преобразующие влияния литературного текста на структуру семемы онимов разных типов. Предложены пути исследования семантической ауры поэтонимов.

Ключевые слова: апеллатив, оним, поэтоним, семантика, семантическая аура.

Resume. The article studies some specific features of poetonyms' semantics, created in the course of functioning of a name in art speech -ed. Reformative influences of the literary text on structure of onym's sememe of different types are designated. Research ways of semantic aura of poetonyms are offered.

Key words: appellative, onym, poetonym, semantics, semantic aura.

На протяжении нескольких десятилетий интенсивного развития поэтономологии одной из наиболее часто дискутируемых проблем была и остается специфика семантики поэтонимов. По нашему мнению, основной причиной отсутствия хоть какого-то единства взглядов является, как это ни покажется парадоксальным, инерция мышления. Давно и ясно обозначенная в выступлении на 13 Международном Конгрессе ономастических наук и в двух публикациях Ю.А. Карпенко [3, с. 4] специфичность собственных имен в художественной речи вроде бы и принимается учеными, но по-прежнему как-то непоследовательно. Четыре постулата Ю.А. Карпенко (о вторичности, о субъективном начале, об особенностях функционирования и принадлежности литературной ономастики к речи), которые должны были бы лежать в основе всех иных теоретических рассуждений поэтономологов, к сожалению, либо предаются забвению, либо игнорируются, что довольно часто, по существу, приводит к подмене объекта исследования.

В свете представлений о динамической природе семантики поэтонимов, о непрерывности семиотического генеза имен в речи (в том числе, художественной) следует обратиться, прежде всего, к осмыслению природы той реальности, в которой функционируют поэтонимы. Совершенно понятная любому биологу зависимость изменчивости организма от изменений среды обитания должна послужить примером для ономаста, исследующего собственное имя в художественной литературе.

Никакие споры вокруг природы поэтической реальности не должны помешать принятию важнейшего вывода, к которому пришли ее исследователи. Научный фундамент под издавна, едва ли не со времен Аристотеля, бытующее в литературоведении представление о художественном произведении как "особом мире", по мнению В.В. Федорова, первым подвел Д.С. Лихачев, утверждавший "самозаконность" изображенной в поэтическом

произведении жизни. “У нее свои закономерности и они не сводимы к закономерностям объективной действительности. Во внутреннем мире <...> все свое: время, пространство, социальные, экономические и прочие закономерности” [5, с. 124].

Для обыденного сознания, зафиксировавшегося в фольклорном “чудо-юдо, рыба-кит” различий между китом и рыбой¹ нет, как нет их для него же между именем и поэтонимом. Однако это не более чем результат того, что конвергенция [лат. *convergere* – приближаться, сходиться] – сходство в строении и функциях далеких друг от друга организмов (в случае с рыбой и китом) или явлений (в случае с онимом и поэтонимом) – очевидна, а дивергенция [лат. *divergere* – обнаруживать расхождение] не осознается, не воспринимается, а то и отторгается. Всему этому есть объяснение. Дивергенция в процессе эволюции – дело постепенное. Заметить ее (особенно, если следовать используемой нами биологической метафоре) сложно в силу того, что промежуточные явления и проявления, как правило, исчезали, выпадали, не фиксировались и т.д. Отсюда устойчивость противостояния. То есть, с фактом существования различий между поэтонимом в художественной речи и онимом в языке можно и согласиться, но признать, что перед нами иной вид слова – сложно.

Попробуем оглянуться туда, где эстетическое отношение к слову еще только зарождалось. В Нобелевской речи Гюнтера Грасса звучали такие мысли: “Повествовать люди стали с самого начала. Еще задолго до того, как род человеческий стал упражняться в письме и постепенно обзаводиться алфавитом, каждый что-то рассказывал другому, и каждый слушал, что другой ему рассказывает. Вскоре среди еще не научившихся писать появились люди, которые умели больше и лучше других рассказывать или *правдоподобнее врать* (курсив наш. – В.К.). <...> О чем же рассказывалось, когда никто еще не умел писать, записывать? Поначалу, со времен Каина и Авеля, много, видимо, говорилось о смертоубийстве. <...> Рассказ, *чтобы звучать правдоподобно* (курсив наш. – В.К.), не должен был чураться длинных семейных списков – кто после кого и кто от кого появился на свет божий. По подобному же принципу строились и рассказы о героях <...> которые, переходя из уст в уста, *оттачивались, дополнялись, варьировались, меняли смысл на противоположный* и, в конце концов, записывались одним

---

¹ Похожие внешне размерами и формой тела акула, ихтиозавр и кит принадлежат к разным видам. Акула – рыба, ихтиозавр – вымершее пресмыкающееся, китообразные – млекопитающие.

рассказчиком, которого будто бы звали Гомером, или целым коллективом рассказчиков – как в случае с Библией” [1, с. 518-519].

Этот долгий путь эволюции художественного слова как раз и стал причиной того, что правдоподобное вранье превратилось в новую форму правды. А Слушатель и Читатель – в доверчивого потребителя художественной правды. Не умея отделить правду от вымысла, реальный мир от виртуального, невозможно различить имя и поэтоним. О. Павел Флоренский в монографии “Имена”, посвященной по преимуществу именам в художественной речи, писал: “Имя – новый, высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна” [6]. Понять природу (и, соответственно, специфику) семантики поэтонимов можно только постоянно имея “в уме” ясное представление о принципиальном отличии художественной реальности от реальной жизни. Не менее ясным должно быть и представление о кардинальном отличии объектов именования в окружающем нас мире и в мире “правдоподобного вранья”. Обозначаемую именем вещь принято называть *денотатом* или *референтом*, а мыслительную операцию соотнесения имени с обозначаемой им вещью соответственно *денотацией* или *референцией*².

С некоторых пор мы предлагаем явление денотации связывать с нарицательными именами (апеллятивами), а референцию – с онимами. Применительно же к поэтонимам говорить только об особом виде референции, сущность которой станет понятнее из дальнейшего изложения. Минимальное референтное содержание антропоэтонима [мысль о единичности + мысль о половой принадлежности + мысль о национальной принадлежности (если она выводима из формы имени)], отмечаемое первым употреблением имени в художественном тексте, в процессе развертывания сообщения наполняется все более богатой для воспринимающего (читательского) сознания информацией. Иными словами, происходит преобразование референта по линии накопления индивидуализирующей содержательной информацией. Поскольку именам собственным сигнификативное значение не свойственно, точнее, оно может указывать только на

---

² В семасиологии принято различать денотаты и референты по линии реальности или мнимости соответствующей вещи (термин “денотат” используют как для реальных, так и для мнимых вещей, термин же “референт” только для реальных). С учетом специфики поэтонима и особенностей художественного мира как среды его “обитания” мы в своих работах развиваем несколько иной подход. В художественной литературе все денотаты мнимые, поскольку, с одной стороны, даже реальным денотатам приписываются признаки, свойства и действия, не имеющие места в действительности, а с другой – все денотаты существуют лишь в воображении вначале автора, а затем читателя [2, с. 153-158].

прагматическое значение и отношение к классу референтов, накопление именем признаков референтного значения превращает его в когнитивно (можно сказать – энциклопедически) значимое слово. Иначе говоря, значение поэтонима когнитивно, конвенционально (содержательно) и референтно. И если для собственных имен в языке связь с определенным референтом возможна только в случае соотнесения их с широко известными носителями имени, т. е. факультативна, то для поэтонимов она обязательна.

Сегодня, в связи с тем, что можно считать доказанным динамический характер семантики поэтонимов, важное феноменологическое отличие их от собственных имен в языке и в то же время генетическое родство с онимами как особой категорией лексических средств, перед поэтоимиологами встает задача создания всесторонне обоснованной семантической теории поэтонима, основывающейся на фундаментальных положениях теории литературы и теории языка. Для обоснованных суждений о семантике поэтонимов необходимо учесть положения фоносимволической семасиологии, грамматической семасиологии и ее разделов, изучающих категориально-грамматическую, морфолого-грамматическую, функционально-грамматическую и синтаксическую семасиологию, лексическую, деривационную и комбинаторную семасиологию, наконец, контекстную семасиологию, под которой в данном случае надо понимать специфическую разновидность семасиологии текста. И по каждому из указанных направлений должны быть уточнены любые факторы, предопределяемые спецификой художественного текста. Вырисовывается и другая линия исследований: изучение онимогенеза, переходных состояний между онимом и поэтонимом на ранних этапах становления художественного сознания.

Литература

1. Грасс Г. Под местным наркозом. Из дневника улитки. Нобелевская речь / Пер. с нем. – М.: “Издательство “Олимп””, “Издательство АСТ”, 2001. – 544 с.
2. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в языке и речи // Proceedings of the 13th International Congress of Onomastic Sciences. – Warszawa – Kraków – 1981, vol. I. – P. 79-89.
4. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Onomastica XXXI, 1986. – С. 5-22. (перепечатано в: Карпенко Ю.О. Літературна ономастика: Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 205-220).
5. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 492 с.
6. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с.